

Сейчас Иллуми казалось, что игра в «догонялки» с Мике была самым весёлым занятием на свете. Те времена теперь виделись невероятно далёкими, а воспоминания о них согревали душу. Если бы он мог, то прямо сейчас вернулся бы на гору Кукуру, чтобы поиграть со сторожевым псом. Это было куда приятнее, чем торчать здесь в компании пятнадцати мужчин, чья внешность не вызывала ничего, кроме эстетического отторжения.

Особенно раздражало то, что все эти пятнадцать субъектов пялились на него со злобой, словно уже видели в нём покойника. А чуть поодаль стояла толпа зевак: те скалились, охваченные каким-то нездоровым возбуждением в предвкушении зрелища.

«Как же хочется их убить...»

Может, плюнуть на этот фарс и просто перерезать им глотки? В конце концов, даже если Мокудзиро решит проявить милосердие, во всём Метеоритном городе вряд ли найдётся хоть кто-то, способный и, главное, желающий подлатать Хисоку. А без лечения тот долго не протянет.

«Интересно, за какие грехи я расплачиваюсь? Почему я вечно оказываюсь втянутым в неприятности из-за этого клоуна?»

— Итак, начнём игру? — в голосе Мокудзиро прозвучал вопрос, не требующий ответа.

Стоило ему замолкнуть, как кольцо из пятнадцати бойцов начало сужаться. Отступить было некуда. Иллуми оставалось только принять вызов. Главное — помнить: убивать нельзя. Если он пустит кровь, толпа зевак мгновенно превратится в стаю голодных псов.

— Хе-хе, — подонки медленно приближались, усмехаясь в предвкушении лёгкой добычи.

В этот момент Иллуми осознал, что заботиться придётся не только о себе. Эти люди намеренно целились в Хисоку: кто-то из них уже занёс ногу, чтобы придавить распростёртое тело, даже не удосужившись взглянуть вниз.

«Нельзя позволить ему сдохнуть вот так».

В мгновение ока Иллуми исчез. Прежде чем толпа успела моргнуть, он уже стоял в стороне, крепко прижимая Хисоку к себе. Лицо его по-прежнему напоминало застывшую маску, но внутри всё клокотало от дискомфорта.

Впрочем, сцена со стороны выглядела не менее нелепо. Хрупкая на вид «девушка», без малейших усилий удерживающая на руках парня, который был и крупнее, и выше неё — такое зрелище не укладывалось в голове. Но изумление толпы длилось недолго. Главный вопрос оставался открытым: как он собирается выбираться из окружения?

— Ишь ты, какая верная! — выплюнул один из громил. — Твой дружок всё равно не жилец. Не трать силы впустую, брось его. Глядишь, сама подольше протянешь.

Иллуми промолчал, продолжая изучать обстановку. Враги обступили его плотно, но он видел, что за первым рядом уже готовятся к действию остальные. Группы распределились по всем четырём сторонам. Он ждал момента.

— Так прижимаешь его к себе... — мужчина зашёлся в лающем смехе. — Уж не «этим» ли вы занимаетесь?

Толпа разразилась похабным хохотом. Взгляды, которыми теперь награждали Иллуми, изменились. В них читалось грязное любопытство.

Иллуми на миг охватила жажда крови. Больше всего на свете ему хотелось выколоть им всем глаза. Эти масляные взгляды, это липкое, мерзкое внимание вызывали у него тошноту.

— Ого! Как ты на меня смотришь... Неужто я угадал? — подначивал громила, гнусно ухмыляясь. — А ведь ты симпатичная. Если бы не приказ тебя прикончить, я бы, может, и нашёл тебе применение... хе-хе...

— Да брось, старик! — подхватил другой. — Посмотри на себя и на неё! Ты ей в деды годишься!

Оскорбления становились всё грязнее, слова — всё омерзительнее. Иллуми молчал. Но это не была ярость. Это была холодная выдержка — один из первых уроков, которые он усвоил.

Когда ему было три года, он вцепился в подол Сильвы и долго плакал. Его отец, потеряв терпение, просто повалил его на землю и выпорол. Причина тех слёз давно стёрлась из памяти, но слова Сильвы он запомнил навсегда.

«Иллуми, запомни: слёзы, смех, печаль или радость — для нас это пустой звук. Когда тебе больно, никто не придёт утешить. Когда тебе весело, не жди, что кто-то разделит твой восторг. Твои эмоции принадлежат только тебе, и нет нужды выставлять их напоказ — другие всё равно не поймут».

«Ты станешь убийцей. А убийца не имеет права на лишние чувства. Будь то задание или случайная стычка, эмоция — это путь к смерти. Я не прошу тебя стать куском льда, Иллуми. Оставь свои чувства внутри».

«Если кто-то довёл тебя до слёз или разозлил — убей его. Это лучший способ унять недовольство. Но делай это только тогда, когда будешь уверен в своих силах и в том, что сможешь уйти невредимым. Если ты слаб — терпи. Глотай обиду, даже если сердце разрывается от гнева! Терпи до тех пор, пока не обретёшь силу делать всё, что пожелаешь. Терпение — это не подчинение. Это подготовка к расплате».

Иллуми позволил потоку грязи литься дальше. Он сосредоточенно искал брешь. Поскольку любая попытка играть честно всё равно вела к смерти, правила больше не имели значения. Один точный удар — и в кольце появится дыра. Иллуми знал траекторию, знал каждое движение. Его уверенность не имела ничего общего с Нэн — это был чистый профессионализм.

Единственная помеха — Хисока. Иллуми мельком взглянул на него и на мгновение ощутил острое желание бросить его прямо здесь.

«Какая убыточная сделка. Не получу ни единого дженни, а риск — головой. Когда всё закончится, Хисока вернёт мне долг в десятикратном размере».

Придерживать его одной рукой было слишком неудобно. Иллуми рывком закинул раненого себе на спину. К счастью, тот не был жирдяем.

Собрав волю в кулак, он восстановил в сознании карту побега. Встав, он бросился в бой. Его скорость была за гранью человеческого восприятия. Первый удар сбил с ног одного из громил, открывая путь. Но впереди уже выросла вторая стена людей. На этот раз Иллуми не ждал. Время стало самым дорогим ресурсом.

Одной рукой он придерживал Хисоку, а другой — сеял смерть. Трое уже рухнули замертво, когда с другой стороны площади раздался странный шум.

Внимание толпы было приковано к Иллуми, и Мокудзиро остался без защиты. Все считали, что он слишком силён, чтобы нуждаться в охране. Сам Мокудзиро думал так же. Но они забыли старую истину: самый опасный удар всегда наносит тот, кто стоит рядом.

Всё произошло в тишине. Обломок стрелы с хрустом вошёл в сердце Мокудзиро — подло, сзади, без малейшего предупреждения. Дерево окрасилось в тёмно-алый цвет. Убийца вонзил остриё, вырвал его и ударил снова. Рваная рана извергнула нечто длинное и белёсое. Движения были отточены до автоматизма, скорость поражала. Жертва почувствовала боль лишь после второго удара.

Мокудзиро дёрнулся, пытаясь развернуться и ударить в ответ, но рука лишь бессильно полоснула воздух. Зрение медленно прояснялось. Он увидел того, чьи руки были по локоть в его крови. Умиравший застыл в неверии, смешанном с тихой мукой.

— Ты... — лишь одно слово сорвалось с губ вместе с тяжёлой, пахнущей железом кровью.

Последнее, что он увидел в этой жизни: юношу с неизменной мягкой улыбкой. Тот коротким движением ноги столкнул его с лестницы. О, какая это была жуткая улыбка.

— Ты... ты убил главу района?! — люди Мокудзиро застыли в оцепенении.

Они смотрели на труп своего лидера, совершенно позабыв об Иллуми.

— Убил, — парень продолжал улыбаться. В его голосе не было ни капли раскаяния — лишь безмятежность.

На мгновение воцарилась гробовая тишина, которая тут же взорвалась криками. Асабуки высочил вперёд, тыча пальцем в юношу:

— Исири! В тебе есть хоть что-то человеческое?! Глава относился к тебе как к родному, а ты его прирезал!!! Неужто ты так жаждал занять его место?! Мы все видели, что ты сделал! Я, Асабуки, первый выступлю против такого предателя!

Толпа зашумела, поддерживая его слова. Асабуки довольно выпятил грудь.

Исири не спешил с ответом. Он молча смотрел на тело Мокудзиро. Они встретились всего два дня назад, и со стороны казалось невероятным, что он так быстро втёрся в доверие к главе. Но никто не знал, что он вернулся ради мести. Он пришёл, потому что когда-то его бросили. И он получил власть, потому что они были плоть от плоти.

Патрицид. Убийство отца.

Слова теряли смысл перед этим фактом. Видя молчание Исири, люди решили, что он струсил. Ободрённые численным превосходством, они начали смыкать кольцо, выкрикивая обвинения.

Юноша вдруг перестал улыбаться. Его лицо исказилось, став почти демоническим, хотя голос остался таким же чистым и звонким:

— Это кресло главы? Да плевать я на него хотел. Вы, доблестные мстители, печётесь о справедливости? Нет, вы жаждете власти больше, чем кто-либо другой. Иначе вы бы хоть раз взглянули на него, прежде чем бросаться на меня.

— Ты... не смей нас срамливать! Убийца...

Хлёткий звук удара оборвал его на полуслове. Обвинитель даже не успел понять, что произошло — удар вышиб из него жизнь.

— У меня кончилось терпение, — ледяным тоном произнёс Исири. — Кто ещё хочет поговорить или встать у меня на пути?

Чудовищная аура, исходившая от него, заставила толпу попятиться на несколько метров.

Поднялся резкий ветер, подняв тучи пыли и ослепляя людей. Когда пыль осела, Исири исчез. А вместе с ним пропали Иллуми и Хисока.

На площади остались лишь тела пятнадцати бойцов, окружавших Иллуми. У каждого из них из груди было вырвано сердце.

<http://bllate.org/book/17441/1663461>